

«КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ ПИСЬМА»: ПРОБЛЕМЫ КОНТЕКСТА, АТРИБУЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

Совокупность репрезентаций Стамбула как Константинополя в русской литературе позволяет констатировать имагинативную специфику: пространство идеологического напряжения и политической рефлексии стало устойчивым топосом поэзии, при этом не нашло таких же устойчивых отображений в фикциональной прозе Нового времени. Существующую лакуну заполняли разнообразными тексты, имевшие документальную основу: дневники и путевые очерки туристов, офицеров и дипломатов становятся неотъемлемой частью газетной и журнальной периодики,¹ знакомя читателей с разнообразными аспектами повседневной жизни мирной и воюющей Турции. К таким публикациям относятся подписанные криптонимами публицистические очерки «Константинопольские письма» (1867) и «Греческие письма» (1868), фельетон «Десять дней на Босфоре» (1881) и письмо в редакцию «Московских ведомостей» «Из Перы» от 4 июня 1879 года. Все эти тексты, появившиеся в изданиях, патронируемых М. Н. Катковым, предположительно, принадлежащие одному и тому же автору (см. ниже), написаны от лица стамбульского старожила, апеллирующего к своему российскому прошлому. При этом, как будет показано далее, для этих очерков характерна злостность в широкой амплитуде: от анализа феномена власти до описания бытовых черт. Автор очерков отдавал отчет себе и своим читателям в том, что живописуемый им Восток «воображаемый» и является политическим и культурным конструктом: «угаданным или, вернее, придуманным поэтами».² Не меньшее внимание в обоих текстах уделяется модернизации самобытной турецкой культуры: «В этом уже, как и во многом, некогда столь поэтический, почти баснословный Восток дошел до смиренной прозы европеизма!»³

Публиковавшиеся в «Русском вестнике» «Константинопольские письма» (1867) представляют собой подготовленные к печати страницы дневника. Датированные письма охватывают период с 1861-го по 1866 год и свидетельствуют о том, что их автор, представляя дипломатическую миссию, был широко

* Исследование выполнено в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 24-18-00856, <https://rscf.ru/project/24-18-00856/>, ИРЛИ РАН.

¹ Bassin M. Russian between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review. 1991. Spring. P. 1–17; *Maierova O.* From the shadow of empire: defining the Russian nation through cultural mythology, 1855–1870. Madison, Wis., 2010; *Милюгина Е. Г., Струганов М. В.* Русская культура в зеркале путешествий: монография. Тверь, 2013; *Алексеев П. В.* Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма. Дис. ... доктора филол. наук. Томск, 2016; *Анисимов К. В.* Восточный травелог русской литературы XIX в.: «воображение» имперских окраин и поэтика повествования (предварительные замечания) // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 5–21; *Русский травелог XVIII — начала XX веков: аннотированный указатель* / Под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск, 2018; *Константинова Н. В.* Проблема автора в русском документальном травелогe XIX века: метаописание, авторефлексия, модели повествования. Дис. ... доктора филол. наук. Новосибирск, 2024.

² Н. Десять дней на Босфоре // Русский вестник. 1881. № 3. С. 254. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте сокращенно: Десять дней, с указанием номера страницы.

³ С. Н. Константинопольские письма // Русский вестник. 1867. № 3. С. 254. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте сокращенно: Письма, с указанием номера страницы.

ко вовлечен во внутривластные процессы и владел знанием ситуации «из первых рук».

Так, предвывая рассказ о приеме у недавно взошедшего на престол Абдул-Азиза, дипломат информирует о политическом курсе его предшественника Абдул-Меджида. Описывая его как расточительного и безвольного правителя, превратившего Турцию в марионетку европейских стран, автор писем уделяет внимание объявлению указа Хатт-Шариф, призванного уравнивать в правах мусульман и иноверцев: «Разумеется, всё действие этого указа ограничилось торжественным его объявлением: он никогда не был прилагает к делу. Препятствием к этому всегда являлись: фанатизм господствующего народа, испорченность низших правителей и по меньшей мере беспечность высших. Сам молодой властелин, о доброте которого стоустая молва рассказывала почти баснословные сказки, сосредоточил все нежные чувства своего сердца исключительно на одном гареме» (Письма, с. 9). Критика деятельности Абдул-Меджида не лишена интереса в контексте сравнения с российской и общеевропейской историей: с точки зрения автора, Османскую империю почти погубили деспотия, власть временщиков и излишества, опустошившие казну. В то же время смена власти представлена в тексте фигурой умолчания: репортер «Русского вестника», вероятно, знавший о последних днях султана и о государственном перевороте, ничего не пишет об этом, лишь упоминая факт скоростной гибели Абдул-Меджида. Приход нового правителя передан через французские идиомы: «К Турции, более чем к какой-либо другой стране приложима поговорка: *король не умирает* (Le Roi ne meurt pas), и другая подобная же: *король умер, да здравствует король* (Le Roi est Mort; Vive le Roi)» (Письма, с. 6; здесь и далее курсив мой. — А. К.), — что показывает возможность осмыслить местные политические процессы в фарватере европейской культуры. Между двумя этими идентичностями: привнесенной европейской и аутентичной азиатской — и выстраивается исходный текст.

Серия писем заключает в себе описания многочисленных ритуалов и торжеств, сопровождавших первые дни интронизации Абдул-Азиза. Особое внимание уделяется торжественным иллюминациям, устроенным для султана и его свиты, а также религиозным праздникам (дано подробное описание Курбан-байрама). Описаны знаки безусловного подчинения и восторга, оказываемые новому султану: «Все мы, здешние жители, страшно утомлены хвалебными гимнами, распеваемыми ежедневно, на разные голоса в честь нового султана продажными и наемными журналистами. Послушать их, так новый властелин Турции действительно избран Провидением, не только чтобы воскресить древнюю славу предков, но и затмить ее блеском собственных деяний» (Письма, с. 35–36). Рассказчик при этом, безусловно, занимает позицию просвещенного европейца, взвешивающего свысока на традиции и обычаи османского мира и не делающего особых различий между самим султаном и его визириями.

Некоторые фрагменты по сухости и беглости изложения приближаются к реестру, при этом их составитель обнаруживает удивительную и не свойственную туристам или путешественникам осведомленность об устройстве исполнительской и законодательской власти, а также об источниках пополнения казны — принципах налогообложения. Показательно упоминание турецкой биржи, а также системы облигаций, работающей, как финансовая пирамида.

В точности этнографических описаний, внимании к деталям повседневной жизни автор «Константинопольских писем» близок к традициям пушкинской

прозы, преодолевающей сентиментальный и романтический стиль.⁴ «Путешествие в Арзрум» как претекст «Писем» прямо обозначено в повествовании:

«Путешествие в Арзрум»	«Константинопольские письма»
«Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: <i>азиатская роскошь</i> . Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукояти. Ныне можно сказать: <i>азиатская бедность, азиатское свинство</i> и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы». ⁵	«Глядя на придворную и всякую дворцовую пышность в Турции, мне не раз приходилось вспоминать слова Пушкина, что фраза <i>азиатская роскошь</i> вовсе не имеет смысла: так далека она от правды. Вместо нее следовало бы употреблять другую: <i>азиатское нищенство</i> , это было бы гораздо ближе к правде» (Письма, с. 27).

Последнее письмо написано из Вены (часть дипломатической миссии Российской империи была перемещена в Европу) и оповещает читателя о грядущей катастрофе — финансовом кризисе, который должен разразиться в Константинополе в ближайшее время. Как известно, этим прогнозам не суждено было сбыться, и продолжение дневника было опубликовано под заголовком «Греческие письма» (1868). Письма открываются описанием путешествия из Константинополя в Адрианополь и выполнены в той же технике этнографического очерка. Следующие публикации, атрибутируемые нами тому же автору, появляются только в конце 1870-х годов, после завершения русско-турецкой военной кампании.

В заметке «Из Перы» от 4 июня 1879 года представлена мирная жизнь Турции. Уделяя внимание произошедшей на его глазах метаморфозе, автор с дагеротипической точностью воспроизводит повседневную жизнь на Буюк-Дере, знакомя читателя с основными туристическими маршрутами: «Я сажусь против высокой каменной ограды, отделяющей посольский парк от набережной. Под сенью перебрашившись через ограду ветвей замкнутым кольцом расположились молодые казанцы, те самые казанцы, трубы и тромбоны которых гремели „на страх врагам“ под Ловчей, Плевной, под Шеиновым. Но война миновала, Россия помирилась с Турком, скоро последние эшелоны вернутся домой, и солдатики валяют на славу „Madame Angot“, вальсы Штрауса, мазурку из „Жизни за царя“, попури из русских песен... Их слушают тенистая Терапия, азиатский берег, румяный от лучей заходящего солнца, суда на якоре, кайки с расфранченными барынями, белые альбатросы в воздухе и стаи рыбок в прозрачной воде: иногда на значительной глубине можно различить камбалу, задумчиво внимающую звукам „Троватора“».⁶

В цитируемом фрагменте очевидно эклектическое соединение, смешение разнообразных стилей и жанров, свидетельствующих о преодолении стерео-

⁴ Кошелев В. А. Историсофская оппозиция «Запад — Восток» в творческом сознании Пушкина // Русская литература. 1994. № 4. С. 3–15; Долинин А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». М., 2023.

⁵ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1948. Т. 8. С. 477.

⁶ М. Из Перы // Московские ведомости. 1879. № 149. С. 5. Стб. 3. Имеются в виду французская комическая оперетта «M-me Angot au Sérail de Constantinople», а также опера «Il trovatore» («Трубадур») Дж. Верди.

типного образа врага всеми участниками конфликта. Здесь же, при описании гуляющих групп, возникает характерная для У. Теккерея снисходительная интонация, демонстрирующая *Vanitas Vanitatum* современной восточной цивилизации, воспроизводящей модели западного мира: «Грубое невежество, праздность и лень, жизнь напоказ и алчность к деньгам, вечная „ярмарка тщеславия“ на улице и грязная скарედность дома — вот отличительные черты нашего *beau monde*».⁷

Ссылка на письмо «Из Перы» как на ранее написанное и опубликованное произведение представлена на первых страницах фельетона «Десять дней на Босфоре». Анонимный текст, опубликованный в третьем номере «Русского вестника» за 1881 год, носит игровой характер и сосредоточен на повседневной жизни города, изучение которого представлено с точки зрения недавно приехавших русских туристов.⁸ Автор упоминает классические путеводители Мюррея, Буша, Детье и Isamber, предлагая свой аутентичный вариант повествования: «Всякому образованному человеку, в особенности русскому, следовало бы хотя заочно познакомиться с Константинопольским проливом. К сожалению, в России представление о нем весьма смутно, в особенности было оно смутно до последней войны. Сужу отчасти по самому себе: в гимназии, в младших классах я считался чуть не первым учеником по географии, а между тем на экзамене, глядя на карту малого масштаба, отвечал, что столица Турции стоит на берегу Черного моря, и получил отличный балл. Про Золотой рог учитель географии меня не спросил и хорошо сделал: я решительно не сумел бы ответить, потому что не знал, что это — река, дворец или мечеть» (Десять дней, с. 216).

Этот фрагмент сопровождается картой, изображающей перемещение туристических судов и паромов по Босфору и Золотому рогу.

Для создания занимательности повествования в этот «дневник одной недели», описывающий рекомендуемые для посещения места, введены родственники, чей приезд мотивирует дальнейшее развитие действия: тетя Маша, сравнивающая Сераскерат с колокольней Ивана Великого, ее дочери, внезапно обнаруживающие сходство Москвы-реки и Мраморного моря, «русские европейцы» Кроликовы, говорящие по-итальянски и сравнивающие Мраморное море с озерами Швейцарии, а также мальчик Боря. Если в «Константинопольских письмах» бегло упоминались «двое из моих соотечественников, внезапно обрадовавших меня прибытием своим в Константинополь» (Письма, с. 31), в фельетоне девять российских туристов изображены в духе Ч. Диккенса или М. Твена — это обаятельные чудачки, каждый из которых обнаруживает сильные и слабые стороны по ходу повествования.⁹

Соответственно, политическая жизнь отнесена на периферию, в то же время очерки сосредоточены на повседневности, представленной с двух точек зрения: 1) местного старожила, имеющего влиятельные знакомства и связи, и 2) российских туристов, удивленно оценивающих увиденное и сохраняющих в своих впечатлениях прелесть новизны. С точки зрения автора фельетона,

⁷ Там же.

⁸ См. об этом: *Козлов А. Е.* «Десять дней на Босфоре»: травелоги «Русского вестника» как социальный и идеологический проект // *Имагология и компаративистика.* 2017. № 8. С. 107–123.

⁹ См. о ключевых принципах повествования у этих писателей: *Сильман Т. И.* Диккенс. Очерки творчества. Л., 1970; *Marsdom M.* Dickens' Mr. Micawber and Mark Twain's Colonel Sellers: The Genesis of an American Comic // *Dickens Studies Annual.* 1992. Vol. 21. P. 63–77; *Tracy R.* Prisoners of Style: Dickens and Mark Twain, Fiction and Evasion // *Ibid.* 1987. Vol. 16. P. 221–246; *Min K.* Rereading Humanism and Criticism of American Society in Melville's and Twain's Novels // *The Journal of Modern British & American Language & Literature.* 2020. № 38 (1). P. 101–122.

маршрут русского туриста должны составлять прогулки по центру города (Пера, ныне — Бейоглу), посещение Гранд-базара, дворцов и музеев, а также морские поездки (в том числе на Принцевы острова). Точкой отсчета в произведении становится названная «космополитическим кварталом» Галата, где размещается «весь пансион». «Движение на улице китайское, не подыщу более подходящего эпитета» (Десять дней, с. 201); «Переулки между Галатой и Перой так круты, что по ним нет колесной езды; тротуары, как везде, отсутствуют; мостовая ужасная, из булыжника, вся в выбоинах и колдобинах; местами она образует отлогую лестницу с широкими, аршина в полтора, ступенями, по которой местные верховые лошади умеют взбираться галопом» (Десять дней, с. 203), — замечает автор фельетона, описывая пешую прогулку до центра Перы в Таксиме. Характерна выразительная подробность: спутницы рассказчика, выбравшие обувь *à la Louis XV*, обречены терпеть неудобство. Сходное значение имеет описание Гранд-Базара, в котором русские туристы едва не теряют все свои накопления, а также недоразумение, случившееся в Долма-Бахче. Подробно рассказывая о значении селямлика — шестивия султаната в мечеть, — рассказчик обращается к курьезу, разрешившему ожидание влиятельного лица: «И вот ровно в двенадцать часов садовые ворота отворились настезь, предвестник мертвой тишины, легкий, едва уловимый переполох дуновением ветерка пронесся по переулку. Туристы сняли шляпы, дамы опустили зонтики. „L'exactitude est la politesse des rois“, прошептал кто-то, кажется, Кроликов <...> И из ворот, гремя и стуча колесами, выкатилась сбитая из старых досок тачка, наполненная песком и влекомая хромою клячей, которую подгонял бежавший рядом оборванный банабак. Сюрприз вышел неожиданный» (Десять дней, с. 236). Данная мизансцена, вероятно, обусловлена задачами политического высказывания: султан, в представлении автора, — *калиф на час*, о влиянии и могуществе которого забывают сразу же после его смерти или государственного переворота. Так, в одном из писем рассказывается об отречении от престола Абдул-Азиза, что заставляет вспомнить сходную политическую коллизию, представленную в «Русском вестнике» десятилетие назад. Заметим также, что в «Константинопольских письмах» рассказывалось о произошедших изменениях придворного этикета: дипломат подробно писал об установившемся светском характере аудиенций султана, подчеркивая, что тот не имеет морального права заставить себя ждать.

Контраст бытовым зарисовкам составляет в фельетоне описание восточного колорита, присущего предместьям большого города (Ускюдар): «Скутари, в сравнении с Константинополем, прелестный городок. В нем просторнее, привольнее, больше свету, воздуху и зелени. Это какая-то идиллия Востока, без шума и грязи столицы, без ее миазмов, без лихорадочной толкотни, но все-таки с ужасной мостовой. Для меня городок еще потому овеян поэзией, что не успел прискучить: константинополец так же редко попадает в Скутари, как *житель Арбата в Замоскворечье*» (Десять дней, с. 230; здесь и далее курсив мой. — А. К.). В этом и подобных фрагментах, напоминающих прозаический дебют А. Н. Островского, в то же время раскрывается своеобразие Константинополя как турецкого, мусульманского пространства: «Ярче остальных частей города блестел Стамбул: на его многочисленных минаретах по случаю кануна Мевлуда, дня рождения Пророка, сияли кольца из зажженных шкаликов. Мечетей во мраке нельзя было разглядеть, и эти светящиеся обручи, порою двойные и тройные, висели в неподвижном воздухе над столицей, как люстры, спущенные с самого неба» (Десять дней, с. 234). Описание иллюми-

наций и производимых ими впечатлений в двух текстах: письмах и фельетоне — также совпадает.

Главное событие туристической жизни — посещение мечети Айя-София — отнесено на самый конец недели, что поддерживает повествовательную интригу. В этом и подобных фрагментах автор фельетона приближается в своем изложении к стилю путеводителя: «Далее осмотрели св. Софию. Нового о ней я, конечно, ничего не скажу. Сооруженная Юстинианом в 548 году, она с лишком 1300 лет стоит непоколебимо, как твердыня. Рука времени не прикоснулась к ней; опустошила ее святотатная рука человека, переделавшего православный собор в мусульманскую мечеть» (Десять дней, с. 241). Как и в описании дворцов, юмористическая интонация заменяется нейтральной, тяготеющей к элегической медитации или одическому пафосу («неколебимо, как твердыня»).

Еще один динамический мотив произведения, наряду с путешествием, составляет описание отношений с «пансионом родственников». Первые записи константинопольского старожила свидетельствуют о нескрываемом раздражении (разлад вносит и желание детей забрать в гостиничный номер всех стамбульских собак (которым, кстати, посвящен отдельный очерк), и искреннее непонимание тетей Машей принципов турецкого ценообразования). Автор сопровождает описание туристов множеством выразительных подробностей, многие из которых заимствованы из репертуара викторианской прозы.¹⁰ Однако по мере знакомства с городом соотечественники все больше отдаляются от «Книги снобсов», обнаруживая ряд симпатичных черт, близких к патриархальному миру второй главы «Евгения Онегина» или Обломовки: «Но меня занимал другой вид: вокруг самовара, слабо озаренные пламенем свечей, горевших в стеклянных колпаках, сидели мои соотечественники» (Десять дней, с. 234). Спустя четыре дня после приезда родственников, в четверг, автор дневника удовлетворенно замечает произошедшую метаморфозу: «Глядя на их душевно спокойные, хотя и усталые лица, я отдыхал от дневных хлопот и, как сестра милосердия привязывается к больным, за которыми долго ухаживает, так и я начинал испытывать к своим гостям сильную нежность» (Десять дней, с. 234).

Разумеется, отъезд родственников, составляющий событие десятого, заключительного дня, выполнен в сентиментальных тонах, заставляющих вспомнить «Дневник одной недели» А. Н. Радищева¹¹ или «Дневник лишнего человека» И. С. Тургенева:¹² «Снова сижу я в тоске и одиночестве на своем четвертом этаже. От милых гостей пахнуло на меня далекою родиной, как на трудно-больного порой пахнет морозным воздухом от свежего беззаботного врача, только что вошедшего с надворья: на душе у страдальца станет светло и весело, он окреп, почти здоров. Зато по уходе врача еще тяжелее кашляется в больничной атмосфере комнаты, и еще грустнее видеть на окнах, разубранных зимними узорами, силуэты склянок с белыми и желтыми сигнатурками. Целый день просидел я в полном отупении, в каком-то душевном параличе без дела и без мысли» (Десять дней, с. 257).

¹⁰ См.: Altick R. D. Victorian People and Ideas: A Companion for the Modern Reader of Victorian Literature. New York, 1973.

¹¹ Галаган Г. Я. Герой и сюжет «Дневника одной недели» Радищева. Вопрос о датировке // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12. А. Н. Радищев и литература его времени. С. 67–71; Лазарчук Р. М. Проза Радищева и традиция эпистолярного жанра // Там же. С. 72–82.

¹² Маркович В. М. «Дневник лишнего человека» в движении русской реалистической литературы // Русская литература. 1984. № 3. С. 107–114.

Таким образом, Константинополь становится медиатором, уравнивающим автора фельетона и его чудаковатых героев, пространством примирения западноевропейской и восточной ментальностей.

В заключение выскажем ряд гипотез, связанных с атрибуцией рассмотренных выше текстов. Исходя из косвенных свидетельств: воспоминаний,¹³ источников личного происхождения,¹⁴ а также содержания упомянутой публикации в «Московских ведомостях», у нас есть основания предполагать, что автором названных очерков был член дипломатической миссии или кто-то из его окружения — члены семьи, родственники. Если рассматривать датировку «Константинопольских писем» как нефикциональную и фактографическую, можно констатировать, что их составитель провел в Константинополе около 10 лет, после чего, покинув город, отправился в Австро-Венгрию. Его карьерный путь полностью совпадает с историей службы писателя и дипломата Е. П. Новикова.

В третьем томе библиографического словаря «Русские писатели» очерк творчества Новикова ограничен 1850-ми годами, когда он помещал свои беллетристические произведения в журнале «Отечественные записки».¹⁵ Поэтика ранних повестей, с одной стороны, тривиальна (рассказы из простонародного быта «Горбун» и «Поездка в деревню», подражательные по отношению к Д. В. Григоровичу и И. С. Тургеневу), с другой же, достаточно оригинальна для русской литературы, особенно это касается «готического» романа с провинциальным колоритом «Портретная галерея» (1856). Этот роман, как и другие произведения Новикова, наряду с произведениями А. К. Толстого, В. А. Волыаряльского и др., свидетельствует о «долгом романтизме» в русской литературе¹⁶ и еще ждет своего исследователя, комментатора и, возможно, издателя.

Беллетристическая деятельность Новикова, действительно, почти прекратилась в 1860-е годы, после его вступления в дипломатическую должность. Начиная свою службу рядовым чиновником министерства, Новиков дослужился до действительного тайного советника. Во время русско-турецкой войны он, как и автор «Константинопольских писем», находился в Австро-Венгрии, а после заключения мира вернулся в Константинополь, где и жил до 1882 года.¹⁷

Совпадение сюжетных ситуаций, стиля трех произведений, равно как и бытовых подробностей (семья Новиковых арендовала на Буюк-дере виллу с плоской крышей, — такая же упоминается в фельетоне как место для вечерних чаепитий), позволяет выдвинуть предположение о том, что автор публицистических писем, заметки для «Московских ведомостей» и, наконец, фельетона — один и тот же человек. В будущем собрании избранных сочинений

¹³ Арбузов Н. К. Из воспоминаний о Царьграде // Исторический вестник. 1914. Т. 138. № 12. С. 801–837.

¹⁴ РГБ. М 3611а. К. 72 (Письмо Е. П. Новикова к О. А. Новиковой, 1876); ИРЛИ. Ф. 330. Оп. 2. № 178 (Письмо Е. П. Новикова к Г. И. Черткову, 1877). В обоих письмах упоминается беллетристическая деятельность, а также фиксируется переписка с М. Н. Катковым.

¹⁵ Бокова В. М. Новиков Евгений Петрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 337–338. См. также о его рассказах из простонародного быта: Вдовин А. В. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М., 2024.

¹⁶ Манн Ю. Поэтика русского романтизма. М., 1976; Турьян М. Русский фантастический реализм. СПб., 2013; Meyer-Fraatz A. Модели романтизма // Od jezika do teksta. Zbornik u čast 70. Josipa Užarevića / Hg. V. D. Lugarić Vukas und Jasmina Vojvodić. Zagreb, 2023. S. 187–195.

¹⁷ Сагомонян А. А. Евгений Петрович Новиков (1826–1903) — дипломат «Горчаковской школы» // Новая и новейшая история. 2024. № 4. С. 198–216.

Новикова, исходя из того, что автором фельетона могла быть О. А. Новикова (на ее литературные занятия и беллетристические интересы указывает обширный эпистолярый К. Н. Леонтьева¹⁸), эти тексты могут быть помещены вместе в разделе *Dubia*.

Три публикации, атрибутируемые нами Новикову, составляя периферию литературно-журнального процесса, свидетельствуют о том, как на художественном уровне трансформировалась и отражалась политическая и идеологическая рефлексия. «Константинопольские письма» — публицистическое произведение, демонстрирующее взгляд на Османскую империю как на пестрое и эклектичное пространство: «...древний мир и новый, варварство и цивилизация, так часто и почти на каждом шагу сталкивающиеся в своих представителях и последователях на Востоке, выразились при настоящем случае еще рельефнее и поразительнее, чем когда-либо» (Письма, с. 31). Следует также отметить, что автор этих произведений был далек от энтузиазма своих соотечественников и, несмотря на иронию в описании политического устройства, признавал субъектность Османской империи и ее правителей.

Письмо «Из Перы» и «Десять дней на Босфоре», апеллируя к традиции путеводителя и юмористического романа, позволяют соединить непосредственные впечатления русских туристов и их турецкого чичероне. Последнее обстоятельство способствовало своеобразному присвоению и доместикации Востока: вместо «чужого», «кровожадного» мусульманского мира читатель знакомился с экзотическим, но не враждебным и не опасным пространством мирного Константинополя. «Десять дней на Босфоре» в этом отношении производит эффект, соотносимый с фельетонами Ч. Диккенса, У. Теккерея или М. Твена: драматизм и пафос освоения пространства (представленный, например, в «Путешествии из Парижа в Иерусалим» Р. де Шатобриана или «Путешествии на восток» А. де Ламартина) здесь преодолевается бытовым элементом. «Новое, невиданное начинается для нас по ту сторону Золотого рога. Стамбульский конец моста примыкает к небольшой площади с множеством бакалейных табачных и фруктовых лавок, с несметными менялами, с вагонами конки, с биржей карапанов, то есть одноконных и парных извозчичьих карет, с шеренгой суруджи, константинопольских ванек, весь экипаж которых состоит из оседланной лошади: вы едете на ней рысью, галопом, вскачь, а погонщик без передышки бежит сзади пять, десять, пятнадцать верст» (Десять дней, с. 221).

Симптоматично, что в период усиления империалистических настроений, характерных в особенности для периодики М. Н. Каткова, подобные тексты свидетельствовали о разнообразии окружающего мира и самостоятельности мышления журналистов и чиновников-дипломатов, примирявших в глазах своего читателя слишком понятный, соотносимый в большей мере с Россией Запад и слишком неясный «воображаемый Восток, угаданный или, вернее, придуманный поэтами» (Десять дней, с. 254).

¹⁸ Алексеев М. П., Левин Ю. Д. В лондонском салоне О. А. Новиковой / Публ. Н. Д. Кочетковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 517–579; Mellon M. Friend or Femme Fatale: Olga Novikova in the British press, 1877–1925. PhD Thesis in History. Chapel Hill, 2010; Токтоңызова Ф. М. Общественно-политическая и публицистическая деятельность О. А. Новиковой во второй половине XIX — начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017; Фетисенко О. Ольга Алексеевна Новикова как собеседница И. С. Аксакова и К. Н. Леонтьева // Философский полилог. 2023. Вып. 1. С. 106–117.

8. *Novichij G.* Rövid leírás az osztyák népről (1715) / Ford. I. Ferencz; bev. P. Hajdú. Szeged, 1973 (Studia uralo-altaica; vol. 3).
9. *Novitskii G. I.* Kratkoe opisanie o narode ostiatskom. Novosibirsk, 1941.
10. *Novitskii G. I.* Kratkoe opisanie o narode ostiatskom. Tiumen', 2018.
11. *Opisanie Rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk SSSR. L., 1971. T. 3. Vyp. 3. Istorieskie sborniki XVIII–XIX vekov.*
12. *Pogosian E. A.* «Da ne molchalivi budem... Radost' ne terpit v nas molchaniia» (K semantike triumfa v petrovskuiu epokhu) // Tartuskie tetradi. M., 2005.
13. *Poln. sobr. russkikh letopisei: V 46 t. M., 1987. T. 36. Sibirskie letopisi. Ch. 1. Gruppy Esipovskoi letopisi.*
14. *Romodanovskaia E. K.* Slaviano-russkie rukopisi nauchnoi biblioteki Tomskogo universiteta // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. L., 1971. T. 26. Drevnerusskaia literatura i russkaia kul'tura XVIII–XX vv.
15. *Rostovtseva Iu. A.* Sibirskie letopisi v kontekste bibleiskoi traditsii: istoriia Ermaka kak khristianskii arkhoeosuzhet // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2011. № 343.
16. *Slaviano-russkie rukopisi Nauchnoi biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Katalog. Tomsk, 2009. Vyp. 2. XVIII vek.*
17. *Sokolova Iu. A.* Svedeniia G. I. Novitskogo o religioznykh predstavleniakh obskikh ugrov: istochnikovedcheskii analiz // Issledovatel'skii potentsial molodykh uchenykh: vzgliad v budushchee. Sb. materialov XV Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii magistrantov, aspirantov i molodykh uchenykh. Tula, 2019.
18. *Tokarev S. A.* Istoriia russkoi etnografii. M., 2015.
19. *Zhuk A. V.* Pervye interpretatsii arkhologicheskogo i etnograficheskogo materiala Sibiri // Integratsiia arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovani. Kazan'; Omsk, 2010. Ch. 1.
20. *Zolotareva V. A., Trofimov A. E.* Ekzoticheskaia paleontologiya XVIII veka: V. N. Tatishchev i mamonty // Letniia shkola po russkoi literature. 2023. T. 19. № 3–4.

Алексей Евгеньевич Козлов

научный сотрудник, доцент кафедры истории и теории литературы,
Новосибирский государственный университет

Alexey Evgen'evich Kozlov

Researcher, Associate Professor, Novosibirsk State University

ORCID: 0000-0003-0016-9546

alexeykozlov54@gmail.com

**«КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ ПИСЬМА»:
ПРОБЛЕМЫ КОНТЕКСТА, АТРИБУЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

**«CONSTANTINOPLE LETTERS»:
ISSUES OF CONTEXT, ATTRIBUTION AND INTERPRETATION**

В статье рассматривается серия анонимных публикаций, объединенных стамбульской тематикой: «Константинопольские письма», «Греческие письма», «Письмо из Перы», «Десять дней на Босфоре». Все эти публикации, появившиеся на страницах «Русского вестника» и «Московских ведомостей» и подписанные криптонимами: Н., С. Н., М., свидетельствуют о своеобразном «присвоении» и «доместикации» ориентального пространства. Автором выявлены разнообразные традиции и претексты, усложняющие публицистический текст: путевая проза А. С. Пушкина и Ламартина, а также беллетристика У. Теккерея и Ч. Диккенса. Осуществлена попытка атрибуции анализируемых произведений писателю и дипломату Е. П. Новикову, находившемуся на службе с 1860 по 1882 год, изучена специфика пространственного воображения, связанного с идеологическим проектированием.

Ключевые слова: русская литература XIX века, ориентализм, литература путешествий, Новиков, Стамбульский текст, атрибуция.

The article examines a series of anonymous publications united by the Istanbul theme: «Constantinople Letters», «Greek Letters», «Letter from Pera», «Ten Days on the Bosphorus». All these

publications, originally contributed to *Russkii Vestnik* and *Moskovskie Vedomosti* and signed with cryptonyms: N., S. N., M., testify to a peculiar «appropriation» and «domestication» of the Oriental space. Various traditions and pretexts that complicate the journalistic text are revealed and studied: travelogues by A. S. Pushkin and Lamartine, as well as fiction by W. Thackeray and Ch. Dickens. An attempt is made to attribute the analyzed works to Eugeny Petrovich Novikov, a writer and a diplomat, who remained in service between 1860 and 1882.

Key words: Russian literature of the 19th century, Orientalism, travel literature, Novikov, Istanbul hypertext, attribution.

Список литературы

1. Алексеев М. П., Левин Ю. Д. В лондонском салоне О. А. Новиковой / Публ. Н. Д. Кочетковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009.
2. Алексеев П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма. Дис. ... доктора филол. наук. Томск, 2016.
3. Анисимов К. В. Восточный тревелог русской литературы XIX в.: «воображение» имперских окраин и поэтика повествования (предварительные замечания) // Имагология и компаративистика. 2014. № 1.
4. Бокова В. М. Новиков Евгений Петрович // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4.
5. Вдовин А. В. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М., 2024.
6. Галаган Г. Я. Герой и сюжет «Дневника одной недели» Радищева. Вопрос о датировке // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12.
7. Долинин А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». М., 2023.
8. Козлов А. Е. «Десять дней на Босфоре»: тревелоги «Русского вестника» как социальный и идеологический проект // Имагология и компаративистика. 2017. № 8.
9. Константинова Н. В. Проблема автора в русском документальном тревелогe XIX века: метаописание, авторефлексия, модели повествования. Дис. ... доктора филол. наук. Новосибирск, 2024.
10. Кошелев В. А. Историсофская оппозиция «Запад — Восток» в творческом сознании Пушкина // Русская литература. 1994. № 4.
11. Лазарчук Р. М. Проза Радищева и традиция эпистолярного жанра // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12.
12. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976.
13. Маркович В. М. «Дневник лишнего человека» в движении русской реалистической литературы // Русская литература. 1984. № 3.
14. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий: монография. Тверь, 2013.
15. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1948. Т. 8.
16. Русский тревелог XVIII — начала XX века: аннотированный указатель / Под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск, 2018.
17. Сагомонян А. А. Евгений Петрович Новиков (1826–1903) — дипломат «Горчаковской школы» // Новая и новейшая история. 2024. № 4.
18. Сильман Т. И. Диккенс. Очерки творчества. Л., 1970.
19. Токтоңызова Ф. М. Общественно-политическая и публицистическая деятельность О. А. Новиковой во второй половине XIX — начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.
20. Турьян М. А. Русский фантастический реализм. СПб., 2013.
21. Фетисенко О. Ольга Алексеевна Новикова как собеседница И. С. Аксакова и К. Н. Леонтьева // Философский полилог. 2023. Вып. 1.
22. Altick R. D. Victorian People and Ideas: A Companion for the Modern Reader of Victorian Literature. New York, 1973.
23. Bassin M. Russian between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review. 1991. Spring.
24. Maiorova O. From the shadow of empire: defining the Russian nation through cultural mythology, 1855–1870. Madison, Wis., 2010.
25. Marsdom M. Dickens' Mr. Micawber and Mark Twain's Colonel Sellers: The Genesis of an American Comic // Dickens Studies Annual. 1992. Vol. 21.
26. Mellon M. Friend or Femme Fatale: Olga Novikova in the British press, 1877–1925. PhD Thesis in History. Chapel Hill, 2010.
27. Meyer-Fraatz A. Модели романтизма // Od jezika do teksta. Zbornik u čast 70. Josipa Užarevića / Hg. V. D. Lugarić Vukas und Jasmina Vojvodić. Zagreb, 2023.
28. Min K. Rereading Humanism and Criticism of American Society in Melville's and Twain's Novels // The Journal of Modern British & American Language & Literature. 2020. № 38 (1).

29. Tracy R. Prisoners of Style: Dickens and Mark Twain, Fiction and Evasion // Dickens Studies Annual. 1987. Vol. 16.

References

1. Alekseev M. P., Levin Iu. D. V londonskom salone O. A. Novikovoi / Publ. N. D. Kochetkovoii // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody. SPb., 2009.
2. Alekseev P. V. Vostok i vostochnyi tekst russkoi literatury pervoi poloviny XIX veka: konseptosfera russkogo orientalizma. Dis. ... doktora filol. nauk. Tomsk, 2016.
3. Altick R. D. Victorian People and Ideas: A Companion for the Modern Reader of Victorian Literature. New York, 1973.
4. Anisimov K. V. Vostochnyi travelog russkoi literatury XIX v.: «voobrazhenie» imperskikh okrain i poetika povestvovaniia (predvaritel'nye zamechaniia) // Imagologiya i komparativistika. 2014. № 1.
5. Bassin M. Russian between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review. 1991. Spring.
6. Bokova V. M. Novikov Evgenii Petrovich // Russkie pisateli, 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 1999. T. 4.
7. Dolinin A. Puteshestvie po «Puteshestviu v Arzrum». M., 2023.
8. Fetisenko O. Ol'ga Alekseevna Novikova kak sobesednitsa I. S. Aksakova i K. N. Leont'eva // Filologicheskii polilog. 2023. Vyp. 1.
9. Galagan G. Ia. Geroi i siuzhet «Dnevnika odnoi nedeli» Radishcheva. Vopros o datirovke // XVIII vek. L., 1977. Sb. 12.
10. Konstantinova N. V. Problema avtora v russkom dokumental'nom traveloge XIX veka: metaopisanie, avtorefleksii, modeli povestvovaniia. Dis. ... doktora filol. nauk. Novosibirsk, 2024.
11. Koshelev V. A. Istoriiosofskaia oppozitsiia «Zapad — Vostok» v tvorcheskome soznanii Pushkina // Russkaia literatura. 1994. № 4.
12. Kozlov A. E. «Desiat' dnei na Bosfore»: travelogi «Russkogo vestnika» kak sotsial'nyi i ideologicheskii proekt // Imagologiya i komparativistika. 2017. № 8.
13. Lazarchuk R. M. Proza Radishcheva i traditsiia epistoliarnogo zhanra // XVIII vek. L., 1977. Sb. 12.
14. Maiorova O. From the shadow of empire: defining the Russian nation through cultural mythology, 1855–1870. Madison, Wis., 2010.
15. Mann Iu. V. Poetika russkogo romantizma. M., 1976.
16. Markovich V. M. «Dnevnik lishnego cheloveka» v dvizhenii russkoi realistscheskoi literatury // Russkaia literatura. 1984. № 3.
17. Marsdom M. Dickens' Mr. Micawber and Mark Twain's Colonel Sellers: The Genesis of an American Comic // Dickens Studies Annual. 1992. Vol. 21.
18. Mellon M. Friend or Femme Fatale: Olga Novikova in the British press, 1877–1925. PhD Thesis in History. Chapel Hill, 2010.
19. Meyer-Fraatz A. Modeli romantizma // Od jezika do teksta. Zbornik u čast 70. Josipa Užarevića / Hg. V. D. Lugiarić Vukas und Jasmina Vojvodić. Zagreb, 2023.
20. Miliugina E. G., Stroganov M. V. Russkaia kul'tura v zerkale puteshestvii: monografija. Tver', 2013.
21. Min K. Rereading Humanism and Criticism of American Society in Melville's and Twain's Novels // The Journal of Modern British & American Language & Literature. 2020. № 38 (1).
22. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1948. T. 8.
23. Russkii travelog XVIII — nachala XX veka: annotirovannyi ukazatel' / Pod red. T. I. Pecherskoi. Novosibirsk, 2018.
24. Sagomonian A. A. Evgenii Petrovich Novikov (1826–1903) — diplomat «Gorchakovskoi shkoly» // Novaia i noveishaia istoriia. 2024. № 4.
25. Sil'man T. I. Dikkens. Ocherki tvorchestva. L., 1970.
26. Tokton'iazova F. M. Obshchestvenno-politicheskaia i publitsisticheskaia deiatel'nost' O. A. Novikovoi vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2017.
27. Tracy R. Prisoners of Style: Dickens and Mark Twain, Fiction and Evasion // Dickens Studies Annual. 1987. Vol. 16.
28. Tur'ian M. A. Russkii fantasticheskii realizm. SPb., 2013.
29. Vdovin A. V. Zagadka naroda-sfinksa. Rasskazy o krest'ianakh i ikh sotsiokul'turnye funktsii v Rossiiskoi imperii do otmeny krepostnogo prava. M., 2024.